

УДК 159.9(075)

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

© Б. М. Емалетдинов*, М. Х. Валиева

Башкирский государственный университет
 Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
 Тел./факс: +7 (347) 229 96 05.
 E-mail: ehr2015@yandex.ru

Статья содержит анализ логических оснований этнопсихологии с позиции социальной философии и психологии, очерчиваются ее методологические и теоретические проблемы, концепция ее предмета, категориально-понятийный аппарат и связи с другими науками. Систематизируются понятия этноса, этноцентризма, этнического самосознания, этнической идентичности, цивилизации и культуры, социальной и психологической типологии культур, межкультурных отношений. Различаются этнографический и психологический подходы к изучению личности. Особое внимание уделено выявлению детерминации (включая этноцентризм и этнические предрасположения) негативных, особенно враждебных, межличностных отношений в общении; предложена типология глубинных эмоциональных отношений.

Ключевые слова: общество, цивилизация, этнос, культура, народ, государство, этноцентризм, аккультурация, культурный релятивизм, личность, идентичность, этнические группы, вражда.

Для воссоздания картины производства знаний необходимо рассматривать информацию в системе 3-х координат: логической (динамику концепций и фактов), социальной и личностной [1, с. 32–51]. Задача статьи – очертить предмет этнопсихологии с целью вскрыть логику ее развития через анализ философских, общенаучных и специально-научных категорий, используемых в ней.

Психические детерминанты действуют объективно (независимо от сознания), служа уникальными регуляторами взаимоотношений организма и среды – природной и социальной. Психическая организация и поведение людей детерминированы не только физическими раздражителями и нервными импульсами, но и на микро- и макросоциальном уровнях [1, с. 352–366]. Связи культуры и психологии людей изучают психологическая антропология, кросс-культурная психология (Америка) и этнопсихология (Европа), что ставит задачу их сравнительного анализа, соотнесения их понятий. «Этнопсихология» (термин Т. Рибо, 1886) – междисциплинарная наука (родоначальники – М. Лацарус и Х. Штейнгаль, 1859; В. Вундт, 1900–1920; Г. Г. Шпет, 1927), изучающая психологические особенности народов и их культуры, формирование индивидуального этнического самосознания (этнической идентичности) и поведения человека, влияние социокультурных факторов на его психические и личностные свойства. Она возникла на стыке этнографии, социологии (ее натуралистическое и психологическое направления) и психологии. В начале XIX в. (укрепление капитализма и национально-освободительные движения) на почве сравнительной филологии индоевропейских языков в Германии и России зародилась «мифологическая» школа, объяснявшая народные верования, предания, сказки, обряды и обычаи исходя из «мифологического мировоззрения» [2, с. 22–23]. Этнография (от греч. *ethnos* – племя, народ; син.: этнология, народоведение) – наука, изучающая бытовые и

культурные особенности народов мира, проблемы происхождения (этногенез), расселения (этногеография) и культурно-исторических взаимоотношений народов (историческая этнография). Ее зародыши появились в древности по потребностям как познавательным, так и практическим – для успешной торговли или войн с другими народами. Она оформилась как естественная наука в 1860–1870 гг. в странах Западной Европы и Америки с возникновением эволюционной школы (А. Bastian, 1860; Th. Waitz, 1859; J. F. MacLennan, 1876; J. Lubbock, 1870; Е. В. Tylor, 1871, 1881; L. H. Morgan, 1877 и др.) – концепции социального эволюционизма [2, с. 24–63, 87–133]. В России она развивалась в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, М. М. Ковалевского, Д. А. Анучина и др. Далее этнография дифференцировалась на 7 направлений (школ): диффузионистское [2, с. 134–169], биологическое (социалдарвинизм и расовая антропология) [2, с. 170–181], социологическое [2, с. 206–228], политэкономическое или социально-классовое (К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель, П. Лафарг, К. Каутский, Р. Люксембург) [2, с. 64–86], функционалистское [2, с. 229–248], историческое (Fr. Boas, C. Wissler, A. L. Kroeber, A. Goldenweiser, R. Lowie, P. Radin) [2, с. 249–269] и психологическое (S. Freud, G. Roheim, C. G. Jung и др.) [2, с. 182–205, 270–286]. В СССР в 1930–1960 гг. этнопсихология не развивалась в силу культа личности главы партийно-государственного аппарата И. В. Сталина (в период 1922–1953 гг.). По его указанию, советское государство взяло курс на «культурный универсализм» (эту идею разрабатывали К. Леви-Стросс, П. Сорокин, А. Кребер, Т. Парсонс) – создание новой исторической общности людей (советского народа) и денационализацию образования, что в итоге спровоцировало распад СССР в 1991 г. Если исследования этносов на Западе велись в социальной и культурной антропологии, социальной и этнической психологии, то в СССР в 1960–1970 гг.

* автор, ответственный за переписку

как научная дисциплина формировалась «этносоциология» (Ю. В. Арутуян, Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижева, И. С. Кон и др.) – область социологии, изучающая генезис, сущность, функции, закономерности развития и отношения этносов. С 1970-х гг. в СССР возрождается этнопсихология как психология нации и национальных отношений.

Пионеры этнографии, начиная с А. Bastian (1860), видели в психологии ключ к наукам о человеке, обращались к ней за интерпретацией изучаемых ими явлений. Эволюционисты часто ссылались на психику человека как фактор зарождения и развития религиозных идей, мифов, апеллируя к мышлению древних людей. Психоанализ выводил явления культуры из подсознательной сферы психики (индивидуального и коллективного бессознательного). Французская социологическая школа обратилась к групповой психике – коллективному сознанию, дологическому мышлению людей. Лишь диффузионистское направление игнорировало индивида как фактор культуры, сводя историю к передвижению культур (миграции, диффузии). Этнографические исследования выявили, что люди, живущие в одном обществе и принадлежащие к одной культуре, обладают некоторой суммой одинаковых черт характера. Эти черты проявляются в фольклоре, мифах, правилах этикета, социальных нормах и т.д. В 1930-е гг. и в этнографии США зародилась «этнопсихологическая школа» (исходя из фрейдистского понимания культуры и развития личности) [2, с. 270–286]. Ее отличие от «исторической школы» состояло в различном понимании категорий «культуры» и «личности». Она считала первичной реальностью личность индивида как исходную единицу, определяющую структуру целого (культуры), с изучения которой и следует начинать исследование культуры каждого народа. Так как в среде каждого народа приемы ухода за ребенком, а позже и его обучения (ходьбе, речи, навыкам гигиены и пр.) приблизительно одинаковы, его представители имеют много общих свойств личности (А. Кардинер, 1946; М. Мид, 1953). Это – «базисная, или базовая, структура личности» – ядерный набор черт, присущих носителям данной культуры. Но эта концепция идеализировала представление о национальном характере и не учитывала вариации черт у разных представителей одного этноса. Было обнаружено, что черты характера у представителей масс и элиты различны, а на изучение «национального характера» влияет восприятие исследователем чужой культуры, его низкая компетентность или недостаточность данных. На смену ей пришла концепция «модальной» (самой распространенной в данной социокультурной среде) личности (R. Benedict, 1932, 1934), противопоставляемой «маргинальной» личности. В мультикультурных, стратифицированных обществах существуют несколько модальных личностей. Выявлены разные черты и типы личности этноцентричных («авторитарная» личность Е. Р. Fromm, 1941; Т. Adorno, 1950; R. A. Levin, D. T. Campbell, 1972; M. Roc-

keach, 1954, 1960) и толерантных (G. W. Allport, 1954) людей [3, с. 529–531, 551–553], обусловленных содержанием и методами семейного воспитания. В связи со Второй мировой войной антропологи США и Британии (Р. Бенедикт, К. Клакхон, М. Мид, А. Кребер, Э. Фромм, Д. Горер и др.) исследовали особенности японского, немецкого и русского «национального характера» для понимания психологии врагов и их лидеров. Концепции характера формировались в полемике с натурализмом З. Фрейда в истолковании характера. Так, Э. Фромм (1959) определяет «социальный характер» как ядро структуры характера, свойственное большинству членов определенной культуры, в то время как «индивидуальный характер» – это то, чем люди, принадлежащие к одной и той же культуре, отличаются друг от друга. Во 2-й половине XX в. сформировалось и междисциплинарное направление (на стыке этнопсихологии, этнографии детства и педагогики) исследования социализации и образования – «этнопедагогика, которая интерпретирует в категориях педагогики значение этнической культуры для становления личности» [4, с. 643–646].

Кросс-культурные клинические исследования показали, что и психопатология в разных культурах содержит универсальные и культурно-специфические компоненты. Так, проявление симптомов, распространенность, рецидивность и частота постановки диагноза шизофрении, депрессии и соматизации отличаются в разных культурах. Кроме того, существуют культурно-ограниченные (этноспецифические) синдромы психопатологии: амок (amok) – в Малайзии, Филиппинах, Таиланде; сусто (susto) – у индейцев, живущих в Андах и др. Специфика их проявления зависит от биологических и культурных факторов жизни представителей данного общества – влияния особых условий обитания, характера гендерного поведения, культурных стереотипов эмоционального реагирования или пережитков общинной жизни [5, с. 209–214]. Расстройства не только психики, но и личности (индивидуального «Я») зависят от преобладающей системы ценностей в данной культуре. «Личностная норма» – культурно-исторический стандарт допустимого индивидуального своеобразия человека. «Личность» – особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в совместной деятельности и общении. Расстройства характера («психопатии») и личности возникают во всех культурах, но их проявления и частота зависят от социокультурных влияний, – они побуждают или препятствуют их развитию. Их причина – взаимодействие патогенных биологических, психосоциальных и социокультурных факторов [6, с. 140–154].

Исследования психологических особенностей человека и групп людей, обусловленных их этнической или культурной принадлежностью, требуют уточнения и дифференциации ключевых понятий, используемых в *психологической антропологии, социальной, кросс-культурной и этнической психо-*

логии (иногда этнопсихологию рассматривают как одну из ветвей социальной психологии) [7]. Эти четыре отрасли психологии – пограничные (междисциплинарные) между психологией, с одной стороны, и социальной философией, социологией, культурологией, этнографией и антропологией, с другой. Критически перерабатывая и синтезируя данные конкретных наук, *философия* дает им определенное истолкование для решения проблем познания и преобразования реальности. Науки отличаются друг от друга: 1) предмет (точка зрения на объект); 2) категориально-понятийный аппарат (выраженный в терминах) и 3) методы. Мы проведем отбор определений категории и понятий, конструирующих предмет этнопсихологии: определения – язык науки.

Семь сходных терминов, используемых в этнопсихологии, – «цивилизация», «культура», «общество», «государство», «страна», «народ» и «этнос» – несут разные смысловые оттенки. Эти понятия постепенно, в течение веков складывались в сознании людей и долго были, скорее, представлениями, чем понятиями [2, с. 19]. Первые элементы «культуры» возникли около 3 млн. лет назад (Центральная Африка) с начала передвижения на 2-х конечностях, групповой охоты, использования огня, изготовления и применения орудий и оружия, что развивало головной мозг (преимущественно после рождения) и интеллект предлюдей («разумный» человек появился около 250 тыс. лет назад) – они стали заменять инстинкты как стратегию выживания вида людей [8, с. 104]. Одновременно с возникновением общества в совместной трудовой деятельности первобытных людей возник естественный язык как средство общения, мышления, управления поведением, хранения и передачи информации. Язык – один из признаков, дифференцирующих и формирующих этнос. Все языки людей объединяют два свойства – звуковая членораздельность и символичность, а все остальные их характеристики этноспецифичны (А. А. Потебня, 1913). На Земле зарегистрировано свыше 5 тыс. языков, т.е. в разные времена существовали все эти культуры [8, с. 105]. Расселение первобытных людей по Земле около 12 тыс. лет назад привело к возникновению 2-х цивилизаций – охотников-собирателей (Европа, Австралия) и земледельцев-скотоводов (Азия, Северная Африка). Образцом управления (системы власти) для племен охотников стала волчья стая (с духом равенства и справедливости в сфере распределения – первобытный коммунизм), а для племен земледельцев – пастух над стадом овец, прирученных в IX тыс. до н. э. (с представлением о человеке-боге – верховном пастухе, который сотворил природу и может ее перестроить или уничтожить, соблюдении иерархии и достижениях гармонии в социуме) [3, с. 565–567]. Так, у земледельческих племен, живших в I тысячелетии н. э. на пространстве Днестровско-Днепрского междуречья, в IX–X вв. сложилось государство Киевская Русь (православное христианство введено в 988 г.),

послужившее основой формирования 3-х славянских народов – белорусов, украинцев и русских (русская народность сформировалась в нацию в начале XVII в.). С возникновением государственно-организованного общества этнические (родоплеменные) общности разобшались территориально, меняли язык, те или иные стороны культуры и быта; последним рубежом сохранения этнической принадлежности считается этническое самосознание, т.е. субъективная самоидентификация на основе представления о происхождении, рудиментов культуры и традиции [9, с. 629].

Термин «цивилизация» – 1) синоним «культуры» (в марксизме – синоним «материальной культуры»), 2) уровень, ступень развития общества, его материальной и духовной культуры, 3) ступень развития общества, следующая за варварством (А. Ferguson, Л. Н. Morgan, Ф. Энгельс) [10, с. 733]. «Цивилизация» – способ ценностной самоидентификации человечества в 4-х аспектах его отношения к: 1) природе (исторический), 2) социуму (социально-политический), 3) культуре (этнокультурный) и 4) духовной жизни людей (аксиологический) (В. И. Плотников, 2006) [9, с. 606–607]. Аксиологический подход позволяет человеку разобраться в смысле истории, в сути глобального экологического кризиса, в смысле своей жизни, а также выявить различие цивилизации, социума и культуры. Социум представлен общественным сознанием людей в его отношении к индивидуальному сознанию, что создает возможность для контроля, регулирования и управления социумом и его элементами. Цивилизацию же репрезентирует на уровне повседневности ментальность – сплав бессознательных и полуосознанных намерений и предпочтений, а на высшем уровне – ценностное сознание. Поэтому цивилизация – спонтанный, стихийный процесс, направлять который невозможно с помощью волевых актов или массовых действий. Исторически культура – всеобщая форма жизнедеятельности людей, атрибут жизни их рода, а цивилизация – модус жизни их рода, следующий за первобытностью и определенный в своем начале и в конце. Поэтому культура – идеальный продукт жизнедеятельности людей, совокупный результат и «хранилище» возможностей, которые осваиваются каждым новым поколением в меру его актуальных потребностей. А цивилизация – идеализированное пространство возможностей и потребностей людей, которые порождаются активным поколением и связаны не с памятью, а с ожиданием, заботой и проектированием своего отношения к будущему [9, с. 607–608].

Если «социум» – общество, сообщество, социальная среда, социальное окружение человека (семья, друзья, соседи, трудовой коллектив, город, микрорайон, регион, страна и т.д.), то «общество» – группа людей, имеющих общую культуру, территорию и взаимодействующих для достижения определенных целей. Иными словами, это – совокупность всех способов взаимодействия и форм объе-

динения людей, в которых выражается их взаимозависимость [11, с. 233]. Обществом называют и архаическую общину, численностью около 100 человек, и современное государство, насчитывающее от десятков до сотен миллионов. Общество – нечто большее, чем сумма индивидов, ибо оно включает в себя и отношения, которые объединяют индивидов и наделяют их общей социальной целью. Ныне доминируют четыре теории общества, раскрывающие четыре его стороны, разработанные К. Маркс (1844/48/59), Э. Дюркгейм (1897), М. Вебер (1904–1905), Г. Лэнски (1995/99) [8, с. 139–168].

Каждое общество опирается на «власть» – способность достигать желаемые цели вопреки сопротивлению других (М. Вебер, 1921) [8, с. 541]. Аппарат управления обществом, наделенный властью, опирающийся на силу закона или на органы принуждения, и называется «государство». Деятельность государства оформляется законами, а реализация власти государством сопряжена с применением насилия. Если законы ее деятельности предписаны обществом (через выборные органы и др.), то государство оказывается одной из структур общества и является правовым. Если же государство само определяет законы своей деятельности, то оно оказывается властью, предписывающей обществу характер жизни, и становится «над» обществом, поглощая функции общества как самоорганизации, воспроизводящейся и самоизменяющейся системы [9, с. 103].

«Страна» – политический «организм» на территории с обозначенными границами (территория, имеющая государственный суверенитет или находящаяся под властью другого государства). Распад СССР (1991) и Югославии добавил 19 стран, и к 2001 г. в мире стало 192 страны (и государств). Каждая страна имеет свою историю, разные государственные языки и особую культуру. По уровню дохода на душу населения в год (глобальная стратификация по уровню экономического развития) все страны разделяются на 3 группы: 1) высокого уровня – 40 стран (доход – \$10–25 тыс.); 2) среднего уровня – 92 страны (доход – \$2,5–10 тыс.), низкого уровня – 60 стран (доход – менее \$2,5 тыс.). Республики бывшего СССР и страны Восточной Европы с 1990-х гг. внедряют рыночную экономику (доход – \$5тыс.) [8, с. 400–403, 521]. Но в любой стране существует ее внутренняя стратификация – классовая, гендерная, расовая, этническая и, возможно, по использованию компьютера и Интернета.

Слово «народ» имеет четыре значения: 1) все граждане данной страны; 2) разные формы этнических общностей; 3) в историческом материализме – трудящиеся социальные классы и слои, которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач развития общества (кроме господствующих классов, эксплуатирующих их) [10, с. 386]; 4) в теориях элиты и массового общества (В. Парето, 1921 [12, с. 197–199]; Х. Ортега-и-Гассет, 1930; Г. Моска, 1953; А. Тойнби, 1934–1961; Р. Михельс, 1970 и др.) [11, с. 179–180, 416–417] – нетворческое большинство общества (в от-

личие от творческого меньшинства – «элиты», имеющей высокий уровень развития интеллекта, морали и чувства ответственности, способной к социальному управлению, развитию культуры и науки, от которой зависит благосостояние, прогресс, а подчас и само существование общества), т.е. совокупность людей, как правило, ограниченных, не отличающихся благородством и невежественных [13, с. 102–103]. Многонациональные образования (типа советского или американского народов) – мета(макро) этнические «организмы», сложившиеся в процессе развития культурной, духовной и языковой общности, но не поглощающие всех культурных особенностей, входящих в них этносов [10, с. 406].

«Культура» – система отношений и ценностей, выработанных людьми в этногенезе. Люди создают и осваивают культуру благодаря принадлежности к этносу и исходя из его потребностей [3, с. 572]. Все культуры имеют 5 общих компонентов: 1) символы; 2) язык; 3) ценности и убеждения (формирующие ядро личности человека); 4) нормы (нравы, обычаи и др., а также система контроля их соблюдения или нарушения); 5) материальная культура [8, с. 105]. Типологию культурных общностей строили по 3-м критериям: 1) эволюционный (Э. Тейлор, Л. Уайт, Дж. Стюард); 2) цивилизационный (О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Данилевский, К. Н. Леонтьев, П. Сорокин, Н. Бердяев, К. Виттфогель, М. Маклюэн, Ж. Аттали); 3) кросс-культурный (Ф. Боас, К. Леви-Стросс, М. Мид, Г. Триандис, Г. Хофстеде, Н. Бердяев и др.) [3, с. 577–584].

Совмещая цивилизационный (теория культурно-исторических типов) [9, с. 227–235] и формационный (К. Маркс, Ф. Энгельс) [10, с. 713–715] подходы к периодизации истории, получаем следующие эпохи развития общества: доцивилизационная эпоха – дикость; варварство (первобытное общество); эпохи цивилизации – 1) земледельческая (рабовладение, феодализм); 2) индустриальная (капитализм, социализм); 3) постиндустриальная (информационно-компьютерная) (Д. Белл, 1965 и др.). Несмотря на признаки глобализации культуры – международные потоки товаров, информации (посредством электронной почты, Интернета, сотовых телефонов, спутниковых систем передачи и факсов) и людей, превращение английского языка в большинстве стран в международный, – все люди воспринимают мир через призму своей культуры. В психологическом измерении культуры отличаются (классифицируются) по семи критериям (Н. Триандис, Г. Хофстеде, М. Мид): 1) простоте-сложности; 2) индивидуализму-коллективизму; 3) открытости-закрытости; 4) избеганию неопределенности; 5) дистанции власти; 6) маскулинности-фемининности; 7) источникам трансмиссии культуры между поколениями [3, с. 585–596]. Русская (дореволюционная) культура формировала в человеке, как нравственный идеал, «духовную» направленность его личности, советская – «группоцентрическую» (идеализация пролетариата), а западная (на которую ныне

ориентируется РФ) – «просоциальную» или гуманистическую (Б. С. Братусь, 1994). В XX в. были две максимально группоцентрические ориентации общества и личности – социализм (СССР, 1917–1991) и фашизм (нацистская Германия, 1933–1945). В основе социализма лежала идея социального класса, а фашизма – идея расы, развитая в социал-дарвинизме и расовой антропологии (Л. Гумплович, 1883; А. Ж. Габино, 1853/1855/1899; О. Аммон, 1895; Ш. Летурно, 1895; Ж. Ляпуж, 1909; Л. Вольтман, 1905; Х. Чемберлен, 1899; Д. Джентиле, 1916) [2, с. 170–181; 10, с. 542–543; 11, с. 285; 12, с. 59–68]. Но оба выросли из одной идеи – отъединения от общего и гордости за частное (Люцифер). Индивидуальные ценности людей в них вытеснила идеология, абсолютизирующая законы истории (марксизм) или природы (фашизм). Согласно марксизму, частная собственность – основа социальных классов, но построенное на государственной собственности общество (СССР) было классовым (Lane, 1984). Экономика социализма в отличие от капитализма: 1) контролируется государством (отрицается ее стихийность) – полагается, что потребители не могут оценить товар, а рекламодатели манипулируют ими, заставляя их покупать выгодное для продавца (производителя), а не то, в чем они действительно нуждаются; 2) ограничивает права человека (в пользу государства) на частную собственность (особенно как средства извлечения дохода); 3) подавляет стремление человека к личной выгоде (в пользу коллективных целей), поэтому предпринимательство оценивается как стяжательство (спекуляция) [8, с. 518]. По профессиональной деятельности советские люди образовали иерархию из четырех классов с разным уровнем жизни: 1) партийно-государственные чиновники (политическая элита заменяет экономическую); 2) интеллигенция, в том числе чиновники низшего ранга, педагоги, ученые, врачи и инженеры; 3) рабочие; 4) крестьяне [8, с. 345–346]. В отличие от капитализма в обществе социализма были ниже уровни – жизни (по валовому внутреннему продукту на человека – в 2,7 раза), экономического неравенства (отношение доходов самых богатых граждан к доходам беднейших в странах капитализма – 10, а социализма – 5), личных прав людей [8, с. 521] и преступности, но было выше качество производимой продукции (многосторонний социальный контроль) и отсутствовала безработица (отказ трудоспособного человека от участия в общественном производстве квалифицировался как правонарушение – «тунеядство»). Но бесклассовое общество (коммунизм) – утопия. Все общества стратифицированы [8, с. 337–352; 11, с. 332–333] по трем показателям – социальный класс (создает экономическое неравенство), социальный статус (престиж) и власть (М. Вебер). Понять ее позволяют две парадигмы – структурно-функциональная (М. Вебер) и социального конфликта (К. Маркс) [8, с. 355–357]. Структуру любого общества образуют люди 3-х уровней (см.: «1984» Дж. Оруэлл, «Психология социализма»

Г. Лебона): верхнего, среднего и низшего. Их цели несовместимы: верхних – сохранить свое место, средних – занять место верхних, низших (если у них возникает цель: обычно они так придавлены трудом и заботами, что только о них и думают) – уничтожить все различия и построить общество, в котором все равны. Они образуют устойчивую структуру (типа гирскопа), поскольку объединяются общечеловеческими ценностями, придающими единый скрытый смысл всему обществу (К. Jaspers, 1962).

«Этнос (этническая общность)» – группа людей, связанных единым отношением к природе, к членам своей и чужой группы, к самому себе, к идеям и ценностям, исторически сложившаяся на основе осознания дихотомии «мы-они» [3, с. 510]. Это – три исторические формы самоорганизации гражданского общества: племя (первобытнообщинная формация), народность (рабовладельческая и феодальная формации) и нация (капитализм). Сложилась три подхода к пониманию сути этнического феномена: примордиализм (С. Geertz, R. Gambino, W. Connor, A. Greely, P. Berghe van den, Л. Н. Гумилев, Ю. В. Бромлей), конструктивизм (G. H. Mead, E. Goffman, F. Barth, R. Jenkins) и инструментализм (D. Bell, A. Cohen, J. Okamura, M. Fisher, C. Young, В. А. Тишков) [3, с. 511; 9, с. 629–631]. Поведение человека и групп людей в данной среде – социальная система, которая организуется не столько под действием команд управляющего органа (методология кибернетики – основы социального бихевиоризма, разработанного В. F. Skinner, A. Bandura, J. B. Rotter), сколько за счет локальных взаимодействий между элементами, которые «запускают» внутренний механизм самоорганизации (методология синергетики) [9, с. 450]. Нация – форма общности людей, складывающаяся с формированием капитализма (XVI–XIX вв.) на основе общности их языка, территории, экономической жизни, особенностей культуры и характера. Понятие «национальность» выделяет из нации лишь ее этнические особенности (языка, культуры) – поэтому группы людей, имеющие общую национальность с той или иной нацией, но не живущие на ее территории, не представляют данную нацию. Марксизм акцентировал экономические, классовые аспекты нации, не затрагивая ее специально этнических аспектов. Вопрос о признаках и соотношении «народности» и «нации», особенно в рамках одной и той же общественной формации, остается дискуссионным [10, с. 405–406]. Вероятно, для народности характерны лишь два признака нации – язык, а также особенности культуры и характера (например, цыгане). Возможно, «нация» – абстрактная идея, которая используется людьми для обоснования, идеологической институционализации своей общности в пределах социальных образований (этноса, государства и др.). Независимо от того, как понимается нация, «национализм» содержит два утверждения: 1) нация – абсолют, божество, наивысшая ценность, она –

превыше всего, в том числе и человека, который обязан пожертвовать ради нее всем; 2) «своя» нация лучше, благороднее, ценнее других наций. В угоду этому заблуждению люди убивали и позволяли убивать себя во благо нации. И в постсоветской РФ появились преступления, направленные против человека или его собственности, к которым побуждают враждебность или ненависть по отношению к его расовой, этнической и религиозной принадлежности или сексуальной ориентации. Литераторы, поэты, пророки и т.д. внушали людям, что их нация – достойное поклонения божество, которому следует принести в жертву все, даже свою жизнь и жизнь близких. Заблуждение это полезно, если людей призывают на защиту той группы, к которой они принадлежат. Но нация – одна из многих групп, к которым принадлежит человек. Каждый человек – член своей семьи, затем – региона, профессиональной группы, класса. За пределы нации выходит его принадлежность к культурным и религиозным сообществам. С национализмом путают «патриотизм»: предрассудок – обвинять в расизме (национализме) того, кто утверждает, что свою страну он любит больше, чем другую. Право каждого человека – забота, прежде всего, о близких людях, не задумываясь, какая раса или нация – высшая. Но из-за этой путаницы люди разделяют еще одно заблуждение – «интернационализм», отнимающий у человека право заботы о благе своей нации и приписывающий верховенство классу или человечеству. Любовь к Родине и соотечественникам – не предрассудок, а добродетель, достойная поддержки, так же, как любовь к семье. Если кто-то любит свою страну, это не означает, что он должен обожествлять ее или презирать, а тем более ненавидеть другие страны. Он не обязан считать нацию «высшей ценностью», чего требует национализм [13, с. 105–107, 112–114].

В психологии каждого человека присутствует и личностно, и национально особенное. Личность становится предметом этнопсихологии лишь как носитель ценностей этноса. Если Э. Фромм для обозначения культурного «ядра» личности использовал термин «социальный характер», то Д. Хониман и А. Инкелес пользовались в этих целях термином «модальная личность», а Р. Линтон и А. Кардинер – термином «основной тип личности» [11, с. 321]. Согласно этнографии, механизмы формирования личности полностью определяет культура. Поэтому было введено понятие «индигенной» (локальной) личности – представление о личности, выработанное в рамках отдельной культуры, которое характерно и адекватно только для этой культуры (африканская, японская, китайская и другие модели личности) [5, с. 317–318, 330–331]. Кросс-культурная же психология трактует личность как универсальную для всех культур категорию, обусловленную адаптацией в эволюции – генетической предрасположенностью тех или иных черт личности, а также культурно независимыми механизмами обучения и способами реагирования на условия

среды. Культурно-универсальная структура личности отражена в пятифакторной теории личности и подтверждена измерениями личности с помощью MMPI-2 во многих культурах [5, с. 325–330]. Но личность может быть одновременно универсальной и культурно-специфической: организация одних аспектов личности – универсальная, а других – уникальная для конкретной культуры [5, с. 331–332].

Формирование этноса обычно происходит на основе единства территории и экономической жизни, но в дальнейшем развитии многие этносы утрачивают общность территории. Признаки этноса, отделяющие его от других этносов – это язык, народное искусство, обычаи, обряды, традиции, нормы поведения, привычки, т.е. компоненты культуры, которые, передаваясь из поколения в поколение, образуют «этническую» культуру. Любой признак этноса нельзя абсолютизировать – каждый из них может оказаться интегрирующим, дифференцирующим и маргинальным. Так, есть разные нации, говорящие на одном языке (англичане и североамериканцы, португальцы и бразильцы и др.), живущие на одной территории или образовавшиеся из разных рас. Поэтому нельзя включать в понятие нации как ее признаки расовую, религиозную и государственную общности. Эти признаки выражают обособленность, локальность существования социальных групп и общностей. Этносу непременно присуща антитеза «мы»–«они» (этническое самосознание). Ныне наряду с термином «этнос» часто используют термин «этническая (этнографическая) группа» [14, Т. 2, с. 522–523] – группа с общими традициями культуры и чувством идентичности, которая объединяется историей и традицией (евреи), языком (индейцы Дакоты), географией (скандинавы; башкиры, проживающие в Бардымском районе Пермской области РФ), расой (черные американцы), религией (мусульмане), особенностями языка, культуры и быта (нормандцы во Франции). Выделяют также понятие «этноконфессиональная группа» – часть какого-либо народа, культурно-бытовое своеобразие которой – следствие изоляции, связанной с религиозной принадлежностью (друзы в составе ливанцев, сикхи – панджабцев, и др.).

Россия – государство в восточной части Европы и северной части Азии. В ее состав входят 20 республик, 6 краев, 50 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область, 10 автономных округов. Россия – полиэтническое общество, где государственный язык – русский, а русская культура для этнических культур России остается посредником взаимодействия с мировой культурой. Концепция возрождения национальной школы предполагает развитие личности ученика в направлении от родной (национальной) культуры к общероссийской и через нее к мировой. Русский язык при этом играет роль посредника между родным языком и культурой, с одной стороны, и мировой культурой – с другой. По наличию формы государственности у народов РФ статус государственного

придан 30 языкам (2002). Нерусское население составляет около 20% и включает около 120 этносов – почти все россияне говорят на русском языке (государственный язык и язык межэтнического общения в России), многие россияне нерусской национальности у себя дома и в своих сообществах говорят на своем родном языке. Среди субъектов РФ 32 имеют статус национально-территориальных (малой Родины), для которых «коренными (титульными)» выступают около 40 этносов. Около 14% населения России (не считая русских, проживающих в национально-территориальных образованиях) – этнические группы (А. А. Сусоколов) [4, с. 271, 635]. По наличию национально-территориальных образований выделяют четыре типа этих групп: 1) имеющие свои национально-территориальные образования в РФ, но проживающие вне их пределов (татары в Башкирии и др.); 2) имеющие свою государственность вне пределов РФ (включая титульные этносы бывших республик СССР) – греки, евреи, корейцы, немцы, поляки, турки, финны, украинцы, белорусы, молдаване, армяне, грузины и др.; 3) не имеющие своей государственности, но имеющие свою «диаспору» (этнические группы, живущие вне страны своего происхождения) вне пределов РФ (курды, цыгане, уйгуры, саамы, эскимосы и др.); 4) не имеющие своей государственности, но живущие преимущественно в РФ (вепсы, сибирские татары, кеты и др.). Кроме того, в России преобладает православное христианство, но оно соседствует с католицизмом, протестантской, мусульманской, иудейской, буддийской и языческой культурами.

Этническое выступает формой социального в человеке: у этносов есть не только особенное, отличающее их друг от друга, но и общее, что сближает и связывает их. Осознание «мы» достигается лишь через противопоставление, антитезу «они»: осознание «они» первично, а «мы» – вторично (Б. Ф. Поршневу, 1979): вторжения «они» могут быть катастрофой для «мы». Социальная категоризация с эпохи античности основана на делении людей на две группы – «своих» и «чужих». Древние греки свой народ называли словом «демос», а словом «этнос» – варваров, чужих, непохожих на них людей. Европейская наука складывалась, опираясь на философию и терминологию античности. Появились науки – «демография», изучающая народонаселение своей и других стран, и «этнография», изучающая быт и культуру различных народов. Европейская этнография развивалась, собирая знания о неевропейских народах. Лишь позже пришло осознание необходимости изучать и свой народ [3, с. 515–516]. Вся история человечества – постоянный поиск «своих» и «чужих». Фигура Чужого, Врага, Зверя возникает во всех культурных и политических конфликтах людей – в ситуациях борьбы с национальными, классовыми, религиозными и другими соперниками. Все знаково-смысловые системы этнической культуры воспроизводят бесконечный спор с Чужими (ныне особенно наглядно –

в киноискусстве). Столкновения со «зверочеловеком», «недочеловеком», представителем предшествующих стадий гоминизации, создали и закрепили архетип Чужого, ставшего условием бытия человека. Этот архаический пласт психики проявляется во вспышках бытовой ненависти, ксенофобии, погромах и агрессивных формах вероисповедания (Ю. Г. Ершов, 2006) [9, с. 634]. Опрос 50 современных россиян с высшим гуманитарным образованием с просьбой создать три словесных портрета – «Я», «Мы» и «Они» показал, что в портрете «Мы» встречается 20% характеристик из портрета «Я», но нет характеристик из портрета «Они». В общности «Мы» чаще упоминаются родственники, друзья, коллеги, люди одной национальности, для которых характерны доброта, ум, веселость, мечтательность, порядочность, трудолюбие. Характеристики общностей «Они» – глупость, злость, уныние, животные, африканцы, американцы, алкоголики, наркоманы (И. Р. Сушков, 1999) [См.: 3, с. 518]. Очевидно, сюда относятся также террористы, маньяки-убийцы, полицейские-оборотни, коррупционеры и другие (внешние и внутренние) враги государства и народа. Осознав свое единство, человечество ныне предполагает своими противниками («они») инопланетян – непонятных для нас существ. Вероятно, и смысл жизни человека обнаруживается перед «лицом другого» (Е. Levinas).

Этническое самосознание, возникая и развиваясь в истории вместе с этносом, проявляется с разной силой – от слабо осознанной принадлежности к своему этносу, перекрываемой чувством принадлежности к неэтническим социальным группам, до сильно развитого чувства патриотизма, связывающего воедино личную судьбу и судьбу этноса (нации), подчиняющего интересы и жизнь индивида интересам этноса (нации). Развитый этнос выступает как социальная система, самовоспроизводящаяся путем этнически однородных браков и трансляции от поколения к поколению языка, культуры, этнических установок и ориентации, стремящаяся к созданию своих органов власти и управления.

Выделены пять типов восприятия человеком людей иных культур (W. Kimmel, 1997): 1) культурный шовинизм; 2) этноцентризм (знание о существовании этнических, классовых, религиозных, расовых и гендерных различий, но убеждение, что лишь свой стиль поведения и своя культура правильны и прогрессивны); 3) толерантность; 4) минимизация (или игнорирование культурных различий и интересов, акцент на сходных чертах культуры); 5) понимание (того, что свой способ поведения – один из немногих, и другие – не аномальные, если не нарушают права человека, мораль и законы общества) [8, с. 603]. Условие понимания культурно-исторической реальности другого – способность к «эмпатии» – не концептуализация, а проникновение, перенесение себя в целостное душевное состояние другого и его реконструкция. Не посредством самонаблюдения (интроспекции), а только в истории, в сравнении себя с другими я познаю ин-

дивидуальное во мне: я сознаю только то, что во мне отличается от другого. Понимание, интуитивное проникновение одной «жизни» в другую противоположно методу объяснения в естественных науках, имеющих дело с внешним опытом и конструирующих свой предмет с помощью рассудка (W. Dilthey) [11, с. 86]. Но большинству людей трудно постоянно действовать на уровне «понимания»: они предпочитают привычные для них нормы своей культуры, а члены их группы (семьи, сотрудники) могут выразить им недоверие, если они быстро и кардинально изменят стиль поведения и мнение.

«Этноцентризм» (L. Gumplowicz, 1883; W. Sumner, 1906) [11, с. 73, 304, 423] – это взгляд на иную культуру (или этническую группу) сквозь призму своей, а иногда – и желание отдать жизнь ради кажущихся эфемерными в сравнении с ценностью жизни человека понятий – Родина, «мой народ», «религия», «моя земля». В его основе лежит эмоциональная привязанность к своей культуре, что порождает также непонимание (из-за ошибок каузальной атрибуции) иной культуры – предубеждения, предрассудки и дискриминацию в отношении «чужих», а часто – конфликты с ними. Иногда термин «этноцентризм» используется как синоним термина «социоцентризм» («группоцентризм») – точка зрения человека, согласно которой его социальная группа («позитивная референтная группа», по Т. Newcomb, 1950; «ингруппа», по Н. Tajfel, 1974 [3, с. 471, 517]) представляет идеальные стандарты поведения, мнения и т.д., исходя из которых оцениваются другие группы (аутгруппы). Как «эгоцентризм» и «этноцентризм» он подразумевает недостаток чувствительности к ценностям и действиям других [14, Т. 2, с. 294, 495, 523].

В повседневном (обыденном) жизненном мире мы вступаем во множество контактов с другими людьми: одни люди нам нравятся, к другим мы равнодушны, а третьи нам откровенно неприятны. Палитра эмоциональных отношений человека к другому, особенно в структуре межличностных отношений с ним, по интенсивности и знаку представима шкалой: любовь ← влюбленность ← дружба ← симпатия ← безразличие (равнодушие) → антипатия → неприязнь → вражда → ненависть. Отношениям людей присущи сокровенные переживания, включающие и тайные отрицательные, которые человек не всегда готов раскрыть перед другими людьми. В них не менее часто, чем положительные, проявляются и отрицательные интимные отношения – вражды, зависти, одиночества и др. Отношения вражды, во-первых, антиподы дружбе и любви, находятся с ними на разных точках одного континуума межличностных отношений, во-вторых, нередко возникают на основе вырождения близких отношений. Но вражда может возникнуть и самостоятельно, из индифферентных поначалу отношений. Отношения вражды – отношения, проникнутые взаимной неприязнью и ненавистью к другому (другим). В периоды преобразований об-

щества такие отношения проявляются не реже дружеских и любовных. Вражда всегда существует, так как потребности людей различны, и часто они могут быть удовлетворены лишь за счет пренебрежения потребностями других людей. Тот, кто имеет от жизни больше, вероятно, всегда вызывает у других людей, в основном неимущих, чувство зависти. История отношений и страстей, представленная писателями и философами прошлого, говорит о том, что люди, какими они были несколько веков назад, такими остаются и сейчас. Попытки путем революции изменить это в истории кончались крахом (Французская буржуазная революция конца XVIII в., социалистическая революция в России 1917 г.): изменить природу человека мерами принуждения невозможно как за 1–2 года, так и за 70 лет. Но потребность в изменении смысла истории, т.е. создании нового (своего будущего для каждой исторической эпохи), выражает гнев (критику социального зла своего времени), веру (убежденность в высшей этической природе призыва) и любовь (к человеку и человечеству). Социальные, межнациональные, межпартийные и межличностные конфликты в 1990-х гг. в РФ показали не меньше вражды, чем 80, 200 и более лет назад. То есть существуют неустранимые причины для проявления неприязни и даже ненависти между людьми. К ним относятся также интеллектуальные и личностные индивидуальные различия, которые зачастую ведут к непониманию друг друга и конфронтации. Люди по-разному понимают то, что происходит с ними и вокруг них. Очевидное для одного человека может стать проблемой для другого. То, что одному человеку удается легко, у другого может вызвать сильные затруднения. Часто возникает взаимный барьер непонимания людей: пренебрежение логикой необученного ей человека и непонимание того, кто ею владеет. Различия в уровне образования, жизненного опыта и интереса к разным сферам знаний и деятельности снижают взаимный интерес и понимание друг друга, и чем больше эти различия, тем глубже может стать недопонимание. Усугубляясь желанием обратить другого в свою веру, оно может породить взаимную неприязнь и привести к вражде. Так обычно возникает непонимание между людьми разного возраста, профессии, этноса, расовой, классовой и культурной принадлежности [15, с. 513–514].

Почва для возникновения вражды – и индивидуальные личностные различия (в свойствах темперамента, чертах характера, мотивах поведения и нормах морали). Началом межличностной неприязни людей обычно выступают индивидуальные различия и трудноразрешимые проблемы. Если их действие на межличностные отношения не блокировано, то рано или поздно они породят конфликт, вызовут со стороны одного или обоих вовлеченных в него индивидов неприязнь, способную превратиться во вражду. Возникшая вражда вызывает у человека скрытую или открытую неприязнь, бессознательную установку на противодействие. В

результате все его поведение в отношении другого человека направляется на то, чтобы доставить ему неприятности (тенденция садизма). Вражда между людьми, когда она уже возникла, становится трудно устранимой, так как связанные с ней отрицательные эмоциональные и мотивационные установки устойчивы, возникают автоматически и трудно контролируются сознанием. То есть враждебные отношения между людьми легче предупредить, чем изменить их после возникновения. Но и в случае удачи прежде враждебные отношения почти никогда не превращаются в дружбу, тем более – в любовь. Чаще всего они приводят к равнодушию, изоляции людей друг от друга [15, с. 515–516]. Мы выделяем четыре типа глубинных предельных переживаний отношения человека к другому: сострадание (сочувствие, жалость), зависть, любовь и садизм. Если «любовь» – удовольствие (радость) от доставления удовольствия (радости) другому, то «садизм» – удовольствие от причинения боли (физической или психической – оскорбление, унижение, эксплуатация и др.) и страдания другому (или от восприятия страдающего существа), «сочувствие» – страдание от восприятия страданий (болезненных или неприятных эмоций) другого, а «зависть» – страдание (боль) от удовольствия (радости) другого [16, с. 282].

Воспринимая вербальное и невербальное поведение других людей, мы разделяем их на «своих» и «чужих» на основе социальных установок и стереотипов. Поэтому мы поспешно судим чуждый быт, не выяснив мыслей о нем представителей этой культуры. Альтернатива этноцентризму – «культурный релятивизм» (F. Boas, 1928; M. Herskovits, 1948) [2, с. 257–258, 288–290] – практика оценки культуры исходя из ее стандартов. Но если почти любое поведение в каком-нибудь регионе считается нормальным, то позволительно все: гладиаторские бои (Древний Рим), инквизиция (средневековье), концлагеря (фашистская Германия и сталинский социализм). Тогда и физический труд детей с 5–6 лет (вместо игр и учения) в бедных странах (Марокко, Индия и др.) оправдан выгодой семьи. Поэтому при разработке универсальных норм поведения следует не навязывать другим своих норм должного, а воспринимать со стороны и свой образ жизни, – изучая других, мы глубже познаем и себя.

Личность современных взрослых людей содержит идентификационную матрицу, в основе которой лежит множество идентичностей (S. Moscovici): 1) объективные – природные (человек, раса, пол, возраст) и социальные (национальность, религия, культура, субкультура, гражданство, профессия), 2) субъективные (ролевые характеристики, оценка достижений и черт своей личности, Я-концепция и др.) [3, с. 539]. Семья определяет для детей социальные (предписанные) статусы – расовую, религиозную, этническую и классовую принадлежность. Со временем эти элементы становятся частью «Я»-концепции ребенка. Сложившиеся

обстоятельства (внешние или внутренние), особенно часто группа, в которой в данное время находится человек, определяют доминирование одной из идентичностей в их иерархии, которая и образует призму его восприятия, понимания мира и регулятор поведения. Идентичность – результат категоризации человеком других, их сходства и различия с собой по разным признакам: мы осмысливаем общее и различное между нами и другими людьми (H. Tajfel, 1982). И при всей нашей уникальности мы можем взаимодействовать с другими благодаря знаниям не их индивидуальности, а социальных (предписанных и достигнутых) статусов и ролей (продавец, клиент и т.д.) [12, с. 496].

Поведение человека регулируется на 4-х уровнях его личности: коллективного и индивидуального сознания и бессознательного. Согласно К. Г. Юнгу, коллективное бессознательное (аналог «коллективных представлений» школы Дюркгейма – Леви-Брюля) содержит культурно-исторический опыт людей и транслируется от поколения к поколению, составляя «архетипы» поведения социального коллектива (семьи, этноса, расы), среди которых есть универсальные, присущие всем народам (например, идеи Бога, добра и зла) и культурно-специфические [2, с. 203; 12, с. 416]. Архетипы невозможно припомнить, дискурсивно осмыслить и адекватно выразить в языке, они постижимы интуитивно, являясь в мифах древности, сновидениях нормальных людей, фантазиях душевнобольных, произведениях искусства и литературы. Уровень «спайки» мало зависящего от истории «коллективного бессознательного» (Юнг) и исторически изменчивых «форм общественного сознания» (марксизм) образует «менталитет» (ментальность) – совокупность принятых и одобренных обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, отличающая его от других общностей. Общественное сознание человека состоит из общечеловеческого начала и менталитета данного общества, но первое пересиливает косность традиций, закрепленных в менталитете. Если любовь к родным людям, боль при их утрате, гневное осуждение тех, кто стал причиной их гибели, – общечеловеческое свойство, то нравственное оправдание кровной мести (вендетта) – черта менталитета, утверждаемая народной традицией [1, с. 254].

«Этническая идентичность» – это осознание человеком своей принадлежности к конкретному этносу. Этническая самоидентификация – одна из социогенных потребностей человека в принадлежности к надежной группе поддержки, в которой он имеет постоянный статус. Поиск этнической идентичности выражается в формировании концепции национальной идеи. Так, башкирская национальная идея, как и у других бывших национально-политических образований СССР, – мировоззренческая схема, возникшая при выходе башкирской культуры в своем развитии на границу взаимодействия с другими культурами и рефлексивно вернувшаяся к себе как «другой культуре». Радикальные социаль-

ные реформы, усиливающие незащищенность личности, рост социальной энтропии стимулируют рост этнического самосознания. В полиэтнической среде возможны три ее типа (Т. Г. Стефаненко, 2003): 1) моноэтническая; 2) биэтническая (причисление себя к 2-м этносам – часто из-за разной национальности родителей) и 3) маргинальная (человек не может однозначно определить свою этническую принадлежность) [3, с. 541]. Осознание себя как представителя того или иного этноса (народа) – вид «самоопределения» человека наряду с внутригрупповым, профессиональным, половым самоопределением, часть центрального механизма становления личностной зрелости, состоящей в поиске и выборе человеком своего места в системе социальных отношений.

«Этничность» – принадлежность человека к этносу по семи объективным признакам (D. Riesman, 1972): 1) язык; 2) народные традиции и обычаи; 3) специфика культуры; 4) сходные черты характера; 5) общность исторической судьбы; 6) место жительства; 7) внешность. Но жизнь современного человека обусловлена, прежде всего, внешнеэтническими (социальными, экономическими, политическими) характеристиками – уровнем образования, профессией, уровнем дохода и др. (M. Heisler). Его этничность – латентная и чаще проявляется в ситуации межэтнического конфликта, угрозы терроризма от аутгрупп или целостности ингруппы [3, с. 540]. Если чувство этнической идентичности оказывается слабее религиозных, региональных и культурных идентичностей, то государство распадается (Югославия).

Расовая и этническая принадлежность – социальные конструкты, формирующие нашу историю. Если первая подчеркивает роль биологических черт, то вторая – культурные особенности. Люди относят друг друга к определенной расе на основе физических признаков – цвета кожи, черт лица, структуры волос и формы тела. Антропологи полагают, что существуют три расы людей – европеоиды, монголоиды и негроиды, но исследования генной частотности в популяции (1993) обнаружили 37 разных рас [5, с. 36]. Раса и этничность людей взаимосвязаны. Например, россияне башкирского (или татарского) происхождения имеют характерные физические черты (уральская раса) и – те, кто поддерживает традиционный образ жизни, – особую культуру. Люди легко изменяют этническую принадлежность: иммигранты могут через некоторое время отказаться от своих культурных традиций или, как североамериканские индейцы, стремиться их восстановить. Но если они вступают в брак с представителями своего этноса, то расовые особенности сохраняются в поколениях. Этничность более изменчива, чем раса, ибо большинство людей ныне идентифицируют себя не с одним этносом (мультикультурная идентичность) [5, с. 69–70].

В обществе происходит взаимная «аккультурация» [2, с. 283–284; 10, с. 12–13] (вхождение в иную культуру, освоение преобладающих ценно-

стей, норм поведения, традиций и правил общества, сопровождаемое стрессом) доминирующего (титального) населения и недоминирующих групп – малых этнокультурных групп, иммигрантов. У недоминирующей группы на основе характера ее установки формируется одна из 4-х стратегий аккультурации: 1) ассимиляция, 2) изоляция (сепарация), 3) маргинализация, 4) интеграция (J. W. Berry et al., 1997). Доминантная группа в ответ также формирует одну из 4-х стратегий аккультурации: 1) «кипящий котел», самая аморальная форма этноцентризма (и расизма) – геноцид [8, с. 483], 2) сегрегация, 3) исключение, 4) мультикультурализм (плюрализм) [3, с. 604–605]. Позитивный результат аккультурации – социокультурная, психологическая и экономическая адаптация.

Различные группы людей (военнослужащие, эмигранты, путешественники, обучающиеся в других городах и странах студенты, находящиеся в деловых командировках люди и др.) на длительное время выключаются из привычной для них повседневной жизни «дома» (жизни в актуальных или потенциальных «первичных группах» (по Ч. Х. Кули) [12, с. 112–114]) и затем возвращаются домой, включаются в его жизнь. Понятие «дом» означает не только географически определенное место на поверхности земли, пристанище, но и родительский дом, родной язык, семью, друзей, любимые пейзажи и песни, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки. Причем «дом» означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое – для того, кто обитает вдали от него, и третье – для тех, кто в него возвращается. Так, согласно концепции «возвращающегося домой» А. Schütz (1899–1959), солдат – участник войны – испытывает трудности и самой войны, и возвращения домой после ее окончания [12, с. 496–499]. Эти трудности (страдания) не столько житейские, бытовые и физические, сколько психологические, связанные с установлением взаимопонимания, диалога с близкими людьми по возвращении домой, ибо он уже не тот, прежний, а другой (даже не такой, каким его воображают домочадцы). Физически он уже вернулся домой, но психологически он еще долго будет «возвращаться», если вернется вообще. Стремясь интегрироваться с доминирующей группой общества, члены подчиненных групп (например, этнические меньшинства, мигранты) приобщаются к ее культурным стандартам. В результате их взаимодействия формируются «культурные (расовые, этнические) гибриды», которые неизбежно оказываются в «маргинальной» ситуации – на краю как доминирующей группы, никогда их полностью не принимающей, так и группы происхождения, отторгающей их как отступников. Расовая, культурная и этническая маргинальность относятся как к отдельным людям, так и к социальным группам. Маргинальные группы – группы находящиеся на границе или крае культуры, частично принимающие доминирующие культурные модели.

Они живут на границе между двумя (или больше) социальными мирами, и в полной мере их не принимает ни один из них, что обуславливает развитие у них различных личностных отклонений. «Маргинальность» – промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами (часто конфликтующими или имеющими большую социальную дистанцию между собой), что накладывает отпечаток на его психику. Маргинальный человек – человек, находящийся между двумя культурными группами, перед которым стоит дилемма, к какой из них присоединиться, культурные ценности и нормы какой их принять [14, Т. 2, с. 205, 427]. Американский социолог Р. Парк ввел это понятие для обозначения положения мулатов (потомков от браков представителей европеоидной и негроидной рас), считая, что «маргинальная личность» имеет ряд характерных черт: тревожность, агрессивность, честолюбие, чувствительность, стесненность, эгоцентричность [10, с. 338]. Человек, который интериоризировал многие ценности двух или более конфликтующих социокультурных систем, типически испытывает дискомфорт (одиночество, утрату социальных связей) и часто проявляет поведение, превращающее его в «анафему» для всех систем. В его «маргинальной» личности (R. E. Park, 1932; E. Stonequist, 1960) в отличие от «модальной» личности не формируется однозначная, согласованная система социальных идентичностей и ценностных ориентаций [11, с. 175]. Но приобщение человека к двум культурам (одновременная жизнь в них – старом, где он родился и рос, и новом, где он обретает образование, профессию и иной образ жизни) требует от него развития мотивации, интеллекта и креативности. Поэтому маргинальные личности чаще (чем модальные личности) бывают более одаренными, имеют ярко выраженную индивидуальность, менее привязаны к стандартам и слышат новаторами, революционерами, оставившими свой вклад в политике, науке, культуре и искусстве. Множество фактов из биографий выдающихся людей показывает, что маргинальность – стимул развития личности и может быть сознательным принципом творческой личности.

Исследования проблемы психологических особенностей этносов и маргинальной личности актуализируются в связи с ростом тенденции к маргинальности в современном мире. Актуальны также исследования проблем особенностей когнитивной, эмоциональной, мотивационной и волевой сфер, а также типов личности, свойственных каждому этносу. Эти исследования позволяют выделять

и своевременно разрешать те противоречия между этносами, которые могут привести к социальным конфликтам, либо конструктивно преодолевать уже возникшие конфликты для успешного решения задачи построения в полиэтничной РФ демократического государства с рыночной экономикой. Сбор фактов в науке всегда сопровождается их осмыслением (анализ и обобщение) в понятиях и категориях этой науки. При этом идеи данной школы или взгляды данного исследователя связаны с современными и предшествующими взглядами, имеющими социально-идеологическую основу. Поэтому возникает потребность (и задача) переосмыслить категориальный аппарат психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. 528 с.
2. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978. 352 с.
3. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. 672 с.
4. Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Больш. Росс. Энцикл., 1999. Т. 2. 672 с.
5. Мацумото Д. Психология и культура. / Пер. с англ. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.
6. Галаяудинова С. И., Емалетдинов Б. М. Расстройства личности: спецкурс по клинической психологии / Уч. пос. В 2-х кн. Уфа: БИРО, 2005. 362 с.
7. Асафьева Н. В., Галаяудинова С. И., Емалетдинов Б. М. Проблема этноса в психологии: анализ понятий // Духовно-нравственный потенциал и социально-психологические детерминанты этнокультурного развития народов современной России: Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 мая 2011 г., г. Уфа / Под ред. С. И. Галаяудиновой, И. Н. Нурлыгаянова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 318 с. 124–129 с.
8. Масонис Дж. Социология. 9-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2004. 752 с.
9. Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академич. Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 652 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. Энцикл., 1989. 815 с.
11. Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю. Н. Давыдов, М. С. Ковалева, А. Ф. Филиппов. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
12. Зборовский Г. Е. История социологии. М.: Гардарики, 2007. 608 с.
13. Бохеньский Ю. М. Сто суеверий: Краткий философский словарь предрассудков / Пер. с польск. М.: Прогресс-VIA, 1993. 187 с.
14. Ребер А. С. Большой толковый психологический словарь. В 2-х т. / Пер. с англ., 2-е изд., доп. и испр. М.: Вече, АСТ, 2003. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 560 с.
15. Немов Р. С. Психология. В 3-х кн. Кн. 1. Общие основы психологии. 2-е изд. М.: Просвещение: Владос, 1995. 576 с.
16. Емалетдинов Б. М. Проблема любви в социальной философии и психологии: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 348 с.

Поступила в редакцию 07.06.2011 г.